

Публикации

УДК 930.2

ТАТАРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Р.С. Хакимов

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
history@tataroved.ru*

Идентификационные процессы проходят в различных социально-политических условиях и зависят от их контекста. Российское общество после общественного кризиса и связанного с ним кризиса идентичности, стоит перед задачей формирования новой общестрановой идентичности, которая бы отражала многонациональный и многоконфессиональный характер жителей страны. Формирование этнической идентичности у татар тоже проходит в новых условиях: глобализация, переориентация на двуязычие, возрождение религии и традиций. Этническая идентичность сосуществует в ряду других важных идентичностей. Усилия по формированию этнической идентичности должны быть направлены на формирование ее позитивного характера, который бы обеспечивал как развитие самого народа, так и межэтническую стабильность в стране и регионе. Исследование этнической идентичности должно проводиться социологами, историками, этнологами.

Ключевые слова: этническая идентичность, татары, Россия, Татарстан

Постановка вопроса

В длинном ряду различных идентичностей этническая является одной из наиболее мотивирующих поведение человека. Этническая идентичность дается нам с рождения, так сказать, с «молоком матери», а потому проявляет завидную устойчивость.

Было время, когда казалось, что этничность будет заменена гражданской национальностью в «плавильном котле» государственной политики. Немало было сторонников космополитизма, уверовавших во всеислие рыночного либерализма. Но жизнь упрямо доказывает неистребимость этничности, несмотря на все конструктивистские изобретения.

---

¹ Статья подготовлена в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)».

Современные процессы в мире и России размывают прежние представления об этносе, нации, гражданской идентичности. Глобализация активно врывается в привычную культурную среду татар, навязывая не только русские, но и англо-саксонские стандарты. Национальные традиции и культура оказались под угрозой ассимиляции. Особенно это заметно в языковой сфере. Татары практически становятся или двуязычными (татаро-русскими), или же переходят на русский язык, хотя при этом не всегда теряют свою идентичность, порой, даже наоборот, самосознание обостряется, сопровождаясь комплексом неполноценности. На этом фоне среди татарской общественности появилась озабоченность состоянием национальной культуры, послышались голоса о «потере достижений суверенитета» Татарстана.

Не только русификация и глобализация несут угрозу татарской культуре. Так называемое «возрождение» религии свелось к привнесению имамами, выучившимися в исламских странах, чуждых обычаев. Они не только не свойственны татарам, но порой ведут к радикализации ислама. Странников продолжения татарских традиций джадидизма (реформированного ислама) среди священнослужителей не осталось, их голос подавлен сторонниками ханафитского большинства. Ответная реакция на привнесенные радикальные взгляды довольно своеобразна. С одной стороны, татары строят мечети, с другой – исполнение ритуалов считают частным делом, многие перестали ходить в мечеть. Розалинда Мусина пишет: «Относительно низкий уровень регулярного посещения мечети для участия в молебнах или получения совета священнослужителей некоторые интервьюируемые связывают также с недостаточным культурным, образовательным и профессиональным уровнем служителей религии, а подчас и с их личностными качествами» [7, с.83]. На этом фоне появилась группа активистов, агитирующих за возвращение в тенгрианство как исконно татарскую религию [См.: 1] или же трактующие тенгрианство как часть татарской культуры, повлиявшей на особенности не только ислама, но и православия на территории России [См.: 4].

Параллельно у православных татар (кряшен) существует движение за признание крещеных татар в качестве самостоятельного народа. Во многом это провоцируется православными иерархами, а также рьяными активистами, связывающими татар только с исламом. Сказывается и незнание некоторыми кряшенами подлинной истории. На самом деле, суть дела сводится к признанию особенностей кряшен как этнографической группы, не более того.

Озабоченность состоянием этнической идентичности характерна не только для татар. В Российской Федерации идут дебаты вокруг национального вопроса. Странники «русского проекта» выступают с идеологией об особой миссии русских и требуют закрепить в Конституции государствообразующую роль русской нации, иначе говоря, трактуют Россию как государство исключительно русских. Иной подход выражен в «рос-

сийском проекте», который признает российский народ полиэтничной гражданской нацией.

Политики высокого уровня и даже руководители страны время от времени подменяют понятие «российского» термином «русское». На волне патриотизма слышались шовинистические нотки слияния всех народов в одну российскую нацию, при этом речь не идет об идеологии, которая объединяла бы разные культуры вокруг общих интересов. Вместо этого предлагается просто принять русское в качестве российского, считать целостность государства как высшую цель и отказаться от этничности в пользу общегражданских ценностей. Время от времени в СМИ поднимается жупел пантюркизма, изобретенного во времена Петра Столыпина.

Однако этническая однородность не есть гарантия целостности государства. Достаточно вспомнить, кто был инициатором распада СССР. Ими стали Россия вкупе с Украиной и Белоруссией, то есть страну развалили по инициативе славян, среди которых доминируют русские. Татары голосовали против распада СССР и точно также выступают за целостность России. Для укрепления государственных основ России не нужно всех превращать в русских, достаточно соблюдать интересы многонационального населения. Еще лучше перейти к федерализму в интересах как субъектов страны, так и экономического развития, но сегодня слово «федерализм» выпало из политического лексикона, а реальные права республик оказались свернутыми.

На официальном уровне предпринимаются попытки укрепить российское общество на базе гражданской идентичности. В «Концепции воспитания гражданской идентичности российской молодежи», подготовленной Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая записано: «Интеграция граждан одной страны – национального сообщества – является важнейшей задачей внутренней политики любого государства мира. Эта задача решается, в том числе, через формирование представления о «национальном МЫ» через проведение политики идентичности. Каждое государство, в том числе российское, стремится культивировать у своих граждан представление о том, что они все принадлежат к одному политическому сообществу и составляют единую нацию» [2, с.4]. Действующая с 2012 г. Стратегия государственной национальной политики ставит во главу угла формирование российской идентичности и укрепление единства российской нации, наряду с поддержкой этнокультурного развития народов Российской Федерации. Такая постановка вопроса требует разъяснения как самого термина «нация», которая уже употребляется применительно к русским, татарам, чеченцам и т.д., так и механизмов превращения сложившихся наций в новую нацию. Как известно попытки создать «советский» и «югославский» народы завершились драматически. Надо ли еще раз вступать на эту стезю? Вопрос риторический.

В Татарстане принята Государственная программа «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)», призванная

выработать механизм воздействия на самосознание татарского народа. Сложность укрепления татарской идентичности состоит в том, что человек или сообщество в целом находится одновременно под воздействием множества факторов, из которых этническую составляющую выделить не всегда удается. Жизненные потребности, возможность карьерного роста, окружение, общая атмосфера в стране или регионе, идеологические тренды и другие факторы в той или иной степени оказывают влияние на этническую идентичность.

Точкой отсчета для определения идентичности является самосознание. Однако факт фиксирования самосознания ничего не говорит о границах этничности, ее маркерах. Существенно выявить в идентичности наиболее весомые и менее весомые факторы. Самосознание и степень этнической солидарности различается в больших и малых городах, а также на селе. Значит, кроме самих факторов, определяющих идентичность, важно также знать влияние внешних социальных сил. Человек по-разному ведет себя в иноэтническом окружении, нежели в родной этнической среде. Поведение может меняться в зависимости от административной поддержки или, наоборот, при внешнем давлении. Поэтому не всегда ясно, когда социальные предпочтения окажутся сильнее этнических, где та грань, за которой отказываются от этнической принадлежности.

Особенность укрепления идентичности татар связана также с дисперсным расселением народа по всей России и Центральной Азии, что стимулирует языковую ассимиляцию народа. Но и компактное проживание в Татарстане, Башкортостане и других регионах не спасает от массового перехода татар на русский язык. Татарский язык оказывается бытовым или даже чисто ритуальным – для подтверждения своей этнической принадлежности. Этому же способствует значительное число смешанных семей. С одной стороны, это фактор укрепления региональной идентичности татарстанцев, с другой – размывает этнические границы. Не существует единого рецепта укрепления идентичности для всех татар.

Трудности оценки эффективности механизмов укрепления идентичности связаны с быстрой переменой социальной и культурной обстановки. Если раньше преемственность родителей и детей способствовала сохранению важных этнических традиций, то сегодня перемены ведут к разрыву связей между поколениями. Если старшее поколение смотрит телевизор, читает газеты и книги, то молодежь даже не имеет дома телевизора за его ненужностью. Вся информация поступает из Интернета и соцсетей. Более того, появляются различия внутри самого молодого поколения как разделенного на старшую и младшую часть [6, с.47].

Многие глубинные мотивы поведения не выявляются обычными методами социологических опросов. Социология может дать общие представления о сознании людей на данный момент в конкретной среде. Однако за бортом остается вопрос о пределах того или иного поведения. Социологи при определении границ этничности ориентируются на сообще-

ние опрашиваемого, но его ответы будут зависеть от обстановки. Эти ответы могут оказаться ситуативными. В силу сказанного возникает потребность в привлечении к исследованию инструментария этнологов и историков, что дает глубинный анализ этнических процессов.

Задача состоит в том, чтобы выделить из общего поведения индивида или группы этнический аспект, как относительно самостоятельный и устойчивый по отношению к внешним воздействиям. Индивид не только объект воздействия внешних сил, но он проявляет активность и может выступать как разрушителем этничности, так и способствовать его укреплению. Переход от самосознания к поступкам неоднозначен. Намерения и действия оказываются опосредованными множеством обстоятельств, выявить которые можно только в ходе углубленного изучения поведения.

Укрепление идентичности не является самоцелью. Нужно сформировать позитивную идентичность с такими чертами как открытость, толерантность, готовность к инновациям. Это важно не только с точки зрения межэтнических отношений, но и развития самого народа. Позитивная идентичность содействует наращиванию культурного потенциала, стимулирующего экономическое развитие.

В ходе революции 1917 г. среди татар появились две точки зрения на определение факторов развития татарской нации. Галимджан Ибрагимов предложил формулу «Язык определяет культуру», на что Мирсаид Султан-Галиев ответил другой формулой: «Культуру определяет экономика, а язык является лишь надстройкой экономической базы». Отсюда он сделал вывод: «Если хочешь иметь «национальную» культуру, то добивайся в известной системе национальной экономики, состояние которой определяет и состояние самой национальной культуры со всеми ее надстройками, независимо от того, в какой государственной системе развивается данная национальность – буржуазно-капиталистической или советской». Модернизация промышленности, сферы услуг, науки в гораздо большей степени влияет на идейные представления, чем мечети и общественные организации. Сравниться с экономикой может только система образования и, конечно же, накопленные духовные ценности.

В настоящее время в мировой литературе нет однозначного мнения о том, что важнее для развития нации: культура или экономика. Проще всего сказать, важно и то, и другое, и это не будет ошибкой. Однако нам интересна не такая простая формула, а знание, что в культурном капитале содействует социально-экономическому развитию, а что становится тормозом, и в какой мере экономика служит развитию народа, а что содействует обогащению олигархов, эксплуатирующих свой народ, республику и страну.

Дефиниция

Под идентичностью в самом широком смысле понимают чувство принадлежности индивида, группы, социума к «своему» миру: самоотжествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями; историко-культурными, духовными корнями этой среды; осознание неразрывной связи своего собственного будущего с перспективами этой среды. При этом человек представляет себе свою принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, как воплощение присущих этим общностям свойств.

Представление об идентичности содержалось в одном из обращений Зигмунда Фрейда к членам еврейского общества «Бнай Брит» в 1926 году: «Меня не связывали с еврейством (признаюсь в этом к своему стыду) ни вера, ни национальная гордость, потому что я всегда был неверующим и не получил религиозного воспитания, хотя уважение к тому, что называют «этическими нормами» человеческой цивилизации, мне прививалось. Я всегда старался подавлять в себе склонность к национальной гордости, считая это вредным и неправильным; меня беспокоили подобные явления в народах, среди которых мы, евреи, живем. Но было много другого, что делало евреев и еврейство неотразимо притягательными, – много смутных эмоциональных сил, тем более сильных, чем труднее они поддавались выражению словами, а также ясное осознание внутреннего тождества с ними, уютное сознание общности психологического устройства. Кроме того, было ощущение, что именно своему еврейскому происхождению я обязан появлению у меня двух черт, свойственных мне в течение всей моей трудной жизни. Будучи евреем, я чувствовал себя свободным от многих предубеждений, ограничивающих интеллект других людей; будучи евреем, я готов был примкнуть к оппозиции, не заручаясь согласием «сплоченного большинства» [6, с.29]. З. Фрейд в данной цитате говорит об этнической идентичности, отмечая как ее позитивную, так и негативную сторону.

Наиболее авторитетный теоретик по данной теме Э. Эриксон часто цитировал это высказывание З. Фрейда, стараясь найти у него не сформулированное понятие идентичности. Он употреблял термин «Я-идентичность», будучи уверен, что З. Фрейд упомянул о внутренней идентичности как о смысле своей жизни. При этом внутреннее «Я» осознается, как часть социальной группы.

По Э. Эриксону, термин идентичность означает одновременно и устойчивую внутреннюю тождественность, и устойчивое сходство некоторых основных свойств с другими людьми. Идентичность как таковая для него не есть что-то статичное, застывшее, неизменное, она отражает циклы человеческой жизни. «Говоря об идентичности, – пишет Э. Эриксон, – нельзя отделить (как я пытался показать в «Молодом Лютере») «кризис

идентичности» отдельного человека от современных ему исторических кризисов, поскольку они помогают понять друг друга и действительно взаимосвязаны. В сущности, взаимосвязь между психологией и обществом, между развитием отдельного человека и историей, по отношению к которой формирование идентичности играет роль прототипа, может быть осмыслена только как род психологической относительности. Здесь важно следующее: безусловно, просто поочередно исполняемые «роли», обыкновенные неловкие «внешние проявления» или напряженные «позы» не составляют сути, хотя могут стать доминирующими аспектами того, что сегодня называют «поисками идентичности». Ввиду всего этого было бы явно неправильно переносить на изучаемое нами некоторые термины индивидуальной и социальной психологии, часто применяемые к идентичности или к расстройствам идентичности, – такие, как представление о себе, образ «я», самоуважение – с одной стороны, и конфликт ролей, утрата роли – с другой, хотя на данный момент объединение усилий – лучший метод исследования этих общих проблем. Но данному подходу не хватает теории развития человека, которая попыталась бы подойти ближе к явлению, выясняя его истоки и направление. Ведь идентичность – это не то, что «создается» в результате «победы», это не доспехи, не нечто статичное и неизменное» [6, с.32]. Э. Эриксон дает нам важный метод – идентичность нельзя исследовать только с точки зрения какой-то одной дисциплины и тем более простыми опросами для выяснения состояния самосознания. Требуется сочетание методов этнологии, социологии и социальной психологии. Более того, Э. Эриксон делает акцент на том, что идентичность не может быть константой, она меняется не только со временем, но и в различной обстановке.

Продолжая мысли Э. Эриксона, Самуэль Хантингтон пишет: «Идентичностью обладают как индивиды, так и группы. При этом индивиды приобретают идентичность и могут изменять ее только в группах. Теория социальной идентичности показала, что стремление к идентичности ведет людей к поиску последней в самых разных, зачастую враждебных друг другу группах. Индивид может быть членом сразу многих групп и потому имеет возможность «переключать» идентичности. Групповая же идентичность, как правило, менее гибкая, поскольку основывается на заранее заданных параметрах» [5, с.51]. В данной цитате для нас важна мысль о том, что идентичность меняется не сама по себе, а в определенной группе.

Существует множество определений идентичности. Нет смысла рассматривать их все, поскольку они вращаются вокруг сходных проблем. Для завершения этой темы приведем еще один подход к этому вопросу. E.S. Abes и S.R. Jones предложили многомерную модель идентичности [3]. В качестве измерений идентичности эта модель включает в себя расу, гендер, сексуальную ориентацию, религиозные убеждения, принадлежность к той или иной культуре и социальному классу. Соотношение этих измерений графически представлено в виде пересечения колец, поскольку, по

мнению авторов, ни одно из измерений идентичности не может быть понято обособленно, в отрыве от других измерений. В центре данной модели находится ядро – «чувство Я», личностная идентичность человека. Воздействие внешних факторов (семейных, профессиональных, социокультурных и т.д.) приводит к изменениям в содержании тех или иных измерений идентичности. При этом степень влияния внешних («контекстных») факторов определяется различными характеристиками осмысления человеком собственной жизни: устойчивостью, глубиной и др. и регулируется личностными идентификациями человека, которые, таким образом, получают приоритет над социальным.

Рис. Многомерная модель идентичности [3]

В соотношении личного и социального в идентичности человека далеко не все вопросы решены, а потому наиболее распространенная точка зрения сводится к признанию, что они являются взаимодополняющими, а не противоречащими друг другу компонентами.

Психосоциальная идентичность любого человека представляет собой, по мнению Э. Эриксона, иерархию позитивных и негативных элементов. Негативные элементы появляются потому, что на протяжении всего детства ребенку указывают как на идеальные ценности, так и на отрицательные прототипы. Ребенка предостерегают против того, чтобы он не стал тем-то

или кем-то, чтобы он научился опасаться того, чего следует избегать. Поэтому позитивная идентичность находится постоянно «в состоянии конфликта с прошлым, которое надо изжить, и с будущим, которое надо предотвратить». Позитивная идентичность находится в состоянии вечного конфликта с идентичностью негативной.

Итак, у человека под влиянием различных факторов может формироваться множество идентичностей, при этом конкретная идентичность складывается как результат взаимодействия конкретного человека или группы с другими людьми или группами. Восприятие другими оказывает существенное влияние на самоидентификацию человека или группы. «Если при попадании в новый социальный контекст человек оказывается в положении чужака, изгоя, он, по всей вероятности, начнет сам себя считать чужаком. Если большинство населения страны считает некое меньшинство отсталым и невежественным, члены этого меньшинства, скорее всего, воспримут это отношение, в результате чего оно превратится в часть их идентичности» [6, с.53]. Именно так возникает у различных этносов комплекс неполноценности, что существенно тормозит их развитие, поскольку этнические группы или этнос в целом замыкается внутри своих интересов, а порой люди скрывает свою этническую принадлежность.

У человека, принадлежащего к подавляемому меньшинству, происходит смешение собственной негативной идентичности с отрицательными образами этого меньшинства, сложившимися у доминирующей группы, в результате чего развивается чувство неполноценности и ненависти к себе. Доминирующая группа отчасти заинтересована в сохранении такой негативной идентичности меньшинства, что позволяет большинству чувствовать свое превосходство. В многонациональной стране это особенно заметно, поскольку у большинства есть страх распада страны в силу укрепления меньшинства, при этом предрассудки только усиливают напряжение между меньшинством и большинством.

Психосоциальная идентичность, самосознание, «самость» – продукт взаимодействия между обществом и личностью. В качестве опосредующего инструмента идентификации выступает идеология, как систематизированная совокупность идей и идеалов. Без идеологии пропадает связка между личной и социальной идентичностью, к тому же она помогает сохранять целостность идентичности в ходе динамичных преобразований общества.

Для общества особенно опасны переломные моменты без присутствия позитивной идеологии. В такой ситуации могут появиться радикальные течения. В определенных условиях, пишет Э. Эриксон, индивиду «...оказывается легче достичь идентичности через тотальную идентификацию с тем, кем он меньше всего должен стать, чем бороться за ощущение реальности приемлемых ролей, для овладения которыми он не имеет внутренних средств». В такой обстановке негативная идентичность может жестко фиксироваться на ролях, отвергаемых или осуждаемых обществом. Классическим примером проявления негативной идентичности является

идентификация с криминальными сообществами, сексуальными меньшинствами, тоталитарными сектами и т.п. Однако, необходимо иметь в виду, что в условиях, например, тоталитарного общества, негативная идентичность индивида может выражаться в принятии роли правозащитника, диссидента, реформатора. Э. Эриксон указывает на тесную связь кризиса идентичности с кризисами общественного развития, когда распад идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее доминировавшей политической культуры, вынуждает людей искать новые духовные ориентиры.

Не углубляясь далее в вопрос интерпретации идентичности разными авторами [3], отметим для себя существенные моменты для анализа нашей проблемы. Идентичность можно представить в виде трех компонентов: (1) когнитивной идентичности, как представления о себе в форме реального «Я» и идеального «Я»; (2) эмоционально-оценочная идентичность, состоящая из публичной идентичности (реальные отклики на наше поведение) и социальной идентичности (воображаемые нами мнения о нас); (3) поведенческой идентичности – все возможные действия и реакции, вызванные первыми двумя составляющими. Совокупность трех компонентов позволит не только объяснить феномен этнической идентичности, но и понять его роль в жизни.

(Продолжение следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безертинов Р.Н. Тенгрианство – религия тюрков и монголов. Н. Челны: Аяз, 2000; Казань: Слово, 2004. 448 с.
2. Концепция воспитания гражданской идентичности российской молодежи. М.: ИЭА РАН, 2015. 25 с.
3. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 118 с.
4. Сибгатуллин Ф.С. Тенгрианство и святой Георгий. Казань: Идел-Пресс, 2015. 272 с.
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
7. Этническая идентичность татар в региональных контекстах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 256 с.

Сведения об авторе: Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

TATAR IDENTITY: CURRENT STATE AND PERSPECTIVES

R.S. Khakimov

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
history@tataroved.ru*

Identity processes take place in different sociopolitical conditions and depend upon their contexts. Since the social crisis and the associated identity crisis, Russian society has been faced with the task of forming a new common country identity that reflects the multi-ethnic and multi-confessional character of its inhabitants. The formation of ethnic identity among Tatars is likewise taking place in a new environment constituted by globalization, a shift to bilingualism, and the revival of religions and traditions. Ethnic identity coexists with a number of other important identities. Efforts to form ethnic identity should be directed at the formation of its positive aspects so as to ensure the development of the Tatar nation and interethnic stability in the country and the region. Further study of ethnic identity should be conducted by sociologists, historians, and ethnologists.

Keywords: ethnic identity, Russia, Tatars, Tatarstan

REFERENCES

1. Bezertinov R.N. *Tengrianstvo – religiya tyurkov i mongolov* [Tengrism is the Religion of the Turks and Mongols]. Naberezhnye Chelny, Ayaz Publ., 2000; Kazan, Slovo Publ., 2004. 448 p. (In Russian)
2. *Kontseptsiya vospitaniya grazhdanskoy identichnosti rossiyskoy molodezhi* [The Concept for Inculcating Russian Civil Identity in Russian Youth]. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography Publ., 2015. 25 p. (In Russian)
3. Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya* [The Social Identity of the Individual: Content, Structure, and Mechanisms of Formation]. Saint Petersburg, Herzen St. Pedagogical Univ. Publ., 2008. 118 p. (In Russian)
4. Sibagatullin F.S. *Tengrianstvo i svyatoy Georgiy* [Tengrism and St. George]. Kazan, Idel-Press Publ., 2015. 272 p. (In Russian)
5. Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti* [Who are We? Challenges to America's National Identity]. Moscow, AST Publ; Tranzitkniga Publ., 2004. 635 p. (In Russian)
6. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow, Progress Publ, 1996. 344 p. (In Russian)
7. *Etnicheskaya identichnost' tatar v regional'nykh kontekstakh* [The Ethnic Identity of Tatars in Regional Contexts]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History Publ., 2015. 256 p. (In Russian)

About the author: Rafael S. Khakimov is a Doctor of Science (History), Director of Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-President of TAS and Academician at TAS (Entrance 5, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation); history@tataroved.ru